

ЛЕГЕНДАРНЫЕ РАЗВЕДЧИКИ-НЕЛЕГАЛЫ

Могилев является родиной нескольких знаменитых советских разведчиков-евреев, судьба которых не укладывалась в обычные каноны и схемы и до сих пор скрывает немало неизвестного. Зато истории их жизни легли в основы детективных романов, документальных и художественных фильмов, которые уже написаны и поставлены и будут обязательно сочинены и сняты в будущем.

Для Льва Маневича война с фашизмом подвела итоговую черту, жизнь других — это непрерывная скрытая большая война (вопрос о помыслах и методах сейчас оставим открытым), в которой Вторая мировая была лишь эпизодом. В этой главе мы совершим лишь небольшой экскурс в их биографии, за пределами которого останется и такой вопрос: насколько важно было для них их происхождение, помнили ли о нем.

ЛЕВ ЕФИМОВИЧ МАНЕВИЧ

Со старой потемневшей фотографии 20-х годов глядят на нас одухотворенные лица двух молодых людей. Они полны романтических надежд и веры в Революцию, которая должна изменить мир, сделать его свободным от нищеты, бесправия, национального и классового гнета. Юноша, похожий на молодого Листа, — это Лев Маневич, обнимающая его девушка — старшая сестра Амалия. Здесь они еще рядом, но через пару лет раскидает их судьба по миру, и долгие годы они ничего не будут знать друг о друге.

Многие могилевчане слышали имя Маневича еще в школьные годы. Маневич — разведчик, Герой Советского Союза. Его имя носят улицы в Малой Боровке и в Чаусах, в память Маневича организуются в Могилеве волейбольные турниры, его портрет висит на Аллее Славы возле Советской площади в Могилеве. Именем героя хотели назвать сквер с фонтанами возле стадиона «Спартак» в конце 60-х годов, да так почему-то и не назвали. Хотя многие пожилые могилевчане и сейчас приглашают знакомых погожими летними вечерами «погулять на Маневича».

При этом мы немного знаем о необыкновенной жизни и подвиге этого человека. Более того, даже те немногочисленные книги и статьи, которые рассказывают о нем, часто противоречат друг другу. Например, довольно солидные издания еще советских времен называют отца Льва Ефимовича то коммерсантом, то адвокатом, то бедняком, да и настоящего его имя редко указывают. Может быть, для военного разведчика, каким был Маневич, это и естественно. Живущие чужой жизнью, нелегалы сами нередко вынуждены забывать факты своей биографии, менять и имена, и язык, и привычки. Кем же на самом деле был этот человек, мы знаем преимущественно по книге писателя Евгения Воробьева «Земля, до востребования», по которой в 1973 г. кинорежиссер Вениамин Дорман снял фильм «Земля, до востребования».

Лев Маневич и его старшая сестра Амалия.
Фото из фондов МОКМ

Роль главного героя исполнил популярный актер Олег Стриженов. Фильм, как и повесть Воробьева, издававшаяся в двух редакциях, в 60-е и 70-е годы, безусловно, идеализирует образ разведчика в соответствии с идеологическими канонами советского времени, превращая живого человека в плакатный штамп. Недосказанность порождает домыслы о преступной деятельности агента ГПУ Маневича, ни доказать, ни опровергнуть которые невозможно. Большинство документов, касающихся жизни и деятельности разведчика, пока исследователям недоступны.

Разведчик Лев Маневич (настоящее имя — **Израиль Хаимович Маневич**) родился 20 августа 1898 г. (впрочем, в дате рождения тоже есть расхождение) в еврейской семье в Чаусах. В городе его детства были только две мощные улицы: Могилевская и Длинная, маленькая извилистая речка Бася с дряхлой водяной мельницей. Здесь, в просторном деревянном доме на высоком фундаменте под № 39 по улице Кооперативной (сейчас улица Маневича) в Заречье и жила семья Маневичей, по местным меркам — небогато. Гостиную украшали плетеные кресла — редкость по тем временам в Чаусах. Родители Льва запомнились землякам приветливыми, добрыми и щедрыми людьми (по воспоминаниям Герасимовой Нины Ивановны (р. 1928)).

Старший брат Льва, затем взявший имя Жак, во время первой русской революции в 1905 г. был арестован за хранение прокламаций и оружия. Вместе с другими осужденными солдатами по делу о восстании в штрафном батальоне его содержали на гауптвахте Бобруйской крепости. Жаку, симулируя болезнь, удалось попасть в крепостной лазарет и бежать из крепости вместе с еще несколькими арестантами с помощью оставшихся на свободе товарищей и сестры Амалии. Заключенные подмешали в кашу охранников-жандармов опиум, а когда те уснули, выпилили массивную решетку на окне, выдавили стекло и на связанных простынях спустились вниз. Через литовские леса Жак перешел немецкую границу, затем переехал в Швейцарию. В Базеле Жак поступил в медицинский колледж. А через несколько лет товарищи Жака по подполью привезли к нему в Швейцарию из захолустного белорусского местечка младшего брата Израйла. Там мальчик и сменил имя Израиль на Лев. Лев много учился сначала в Цюрихе, потом Женеве, в совершенстве овладел тремя иностранными языками. Известно, что Жак, ставший большевиком, брал Льва на лекции о российской революции 1905 г. русского политэмигранта Владимира Ульянова-Ленина в Народном доме Цюриха. А в апреле 1917 г. братья провожали знаменитый поезд, в котором эмигранты-революционеры во главе с Лениным выехали в Россию. Через два месяца, в июне 1917 г., с дипломами медика и инженера братья Маневичи тоже возвратились домой.

В России Лев был сразу же призван в русскую армию — шла Первая мировая война. Воевал он недолго. В конце 1917 г., когда в Чаусах образовалось Рабочее городское правление, девятинадцатилетний Лев Маневич становится его председателем. В апреле 1918 г. он добровольно уходит в Красную Армию и становится красноармейцем интернационального полка в Баку (1918 г.). Несмотря на юный возраст, Маневич был комиссаром бронепоезда, командиром отряда особого назначения, служил в разведуправлении РККА.

После окончания гражданской войны Лев Ефимович работал на Казанской железной дороге, жил в Самаре, Уфе. В Уфе познакомился

со своей будущей женой Надеждой Дмитриевной Михиной. Вместе они переехали в Москву. Первое время семья жила у друга Маневича **Якова Никитича Старостина**, с которым Лев вместе воевал в гражданскую. Жили они бедно. Чтобы прокормить жену и маленькую дочь Таню, Лев по ночам подрабатывал на разгрузке вагонов, а когда жене понадобилось сшить новое платье (старое буквально расплозилось от ветхости), пришлось в уплату за работу переколоть портнихе громадную поленницу дров.

В Москве в 1921 г. Маневич окончил Высшую школу штабной службы комсостава Красной Армии, в 1924 г. — Военную академию РККА, учился в Военно-воздушной академии им. Жуковского. Мечтал стать летчиком, но незадолго до окончания академии был направлен в военную разведку.

Учеба давалась легко. Характеристика, выданная будущему разведчику руководством военной академии, о многом говорит: «Отличных умственных способностей. С большим успехом и легко овладевает всей учебной работой, подходя к изучению каждого вопроса с разумением, здоровой критикой и систематично. Аккуратен. Весьма активен... Дисциплинирован. Характера твердого, решительного, очень энергичен, иногда излишне горяч».

После окончания академии Маневич был назначен начальником полковой школы 55-й стрелковой дивизии. Затем до начала 30-х годов его послужной список такой: находится в распоряжении РУ штаба РККА (август 1924 г. — ноябрь 1925 г.); сотрудник для особых поручений Секретариата РВС СССР, Управления делами НКВМ и РВС СССР; на разведработе в Германии (ноябрь 1925 г. — март 1927 г.); начальник сектора 3-го отдела РУ штаба РККА (май — ноябрь 1927 г.); проходил стажировку в должности командира роты 164-го стрелкового полка (ноябрь 1927 г. — декабрь 1928 г.); летчик-наблюдатель в 44-м отд. авиаотряде в Грузии (май — октябрь 1929 г.).

В начале 30-х гг. под видом инженера Конрада Кертнера и под псевдонимом «Этьен» Лев Маневич, уже побывавший до этого на разведывательной работе в Германии и Австрии, переехал в Италию. Маневич был способным предпринимателем, и фирма вскоре начала приносить хорошую прибыль. Надо отметить, что почти весь доход от деятельности предприятий нелегально переправлялся в Советскую Россию.

Впрочем, в последние годы стали писать, что одной из специализаций Этьена была организация убийств «врагов советской власти» за границей, в т. ч. эмигрантов, перебежчиков и т. д., а во второй половине 30-х годов он выполнял важнейшие задания по похищениям и убийствам за границей. Насколько это верно, пока не рассекречены документы тех лет, судить трудно. (Залесский К.А. Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. — М.: Вече, 2000.)

Элегантного, общительного и состоятельного совладельца международного бюро патентов и

Знаменитый разведчик,
Герой Советского Союза
Лев Ефимович Маневич (1898—1945).
Фото из фондов МОКМ

изобретений «Эврика», связанного с военной промышленностью, Конрада Кертнера принимали в высших светских кругах, в кругах немецкой военной элиты. Солидный образованный коммерсант имел широкий круг деловых знакомств и умел внушить уважение к себе. Вскоре «Этьен» уже представлял целый ряд ведущих германских авиационных, судостроительных и машиностроительных фирм за пределами Третьего рейха. Профашистски настроенный предприниматель побывал в Испании, где вспыхнул мятеж генерала Франко.

Как отличного авиационного инженера, германские и итальянские авиатехники приглашали Кертнера для участия в совещаниях по определению неполадок в двигателях самолетов. «Этьен» получил возможность досконально изучить новейшую вражескую технику. Разведчик собирал и переправлял в Москву сведения о новых немецких танках и самолетах, о стратегических планах германского вермахта. Добываемые технические материалы через Центр немедленно поступали в советские конструкторские бюро. А ведь в годы войны одна важная информация из-за рубежа могла спасти и спасала тысячи жизней солдат и офицеров войск, сражавшихся против гитлеровцев.

12 декабря 1936 г. по доносу разведчик был арестован итальянской фашистской контрразведкой как австрийский гражданин. В январе 1937 г. Туринский суд констатировал: «Преступная деятельность Кертнера была обширна: он протянул свои щупальца также на Турин, Геную, Болонью, Брешию и Специю. Ему удалось привлечь ценных специалистов и опытных техников, которые состоя-

ли на службе на промышленных предприятиях, снабжающих итальянские и германские вооруженные силы».

Кертнер был осужден 9 февраля 1937 г. на 15 лет тюрьмы. Но даже из заключения разведчик передавал через свою агентуру на родину ценнейшую и новейшую разведывательную информацию! Например, от рабочих военных заводов, сидевших с ним в одной камере, «Этьену» удалось узнать рецепт броневой стали заводов Круппа. В России еще не умели варить такую сталь. Она делала танк неуязвимым для снарядов среднего калибра. Разведчик, сидя в тюрьме, смог узнать и передать на родину технические подробности и чертежи строительства нетонущего крейсера, особенности ночного бомбометания, полетов «вслепую» и многое другое.

В тюрьме Маневич тяжело заболел. Расходы на лекарства истощили и без того скудный бюджет заключенного. Денег на питание не хватало.

В сентябре 1943 г., воспользовавшись переворотом, Маневич пытался бежать, но в страну вошли германские войска, и он снова оказался под стражей. «Гражданина Австрии» передали гитлеровцам. Очень скоро выяснилось, что такого человека в Австрии никогда не было. Пользуясь неразберихой в документах при переводах, Маневич выдал себя за своего старого друга, с которым жил вместе в годы учебы в Москве, полковника Якова Старостина. Биографию друга Маневич знал в совершенстве.

Два года находился он в концлагерях на территории Австрии: Маутхаузен, Мельк, Эбензее. Тяжело больной туберкулезом, Маневич сумел стать одним из организаторов подпольной борьбы среди узников концлагерей. Умный, волевой, решительный, он быстро становился лидером в любом коллективе. В австрийском лагере людей разных национальностей фашисты намеренно селили вперемешку, чтобы затруднить их общение и организацию сопротивления. Но для «Этьена» не было языковых преград. Там, в дополнение к шести языкам, которые знал ранее, Маневич начал говорить по-польски, по-чешски, по-сербски. Благодаря знанию языков, он мог получать информацию и делиться ей с другими узниками.

По воспоминаниям заключенных, в концлагере Маневич-Старостин, узник концлагеря R-133042, спасал от крематория привезенных в лагерь для уничтожения евреев, детей белорусских и брянских партизан.

В конце апреля 1945 г., когда до конца войны оставалось несколько дней, фашисты, чувствуя неизбежный конец, решили расправиться с заключенными: загнать их в шахту под предлогом укрытия от бомбардировок и там взорвать. Об этом уже тяжело больной Маневич-Старостин узнал от переводчика. На плацу охранники собрали все население лагеря и приказали идти в шахту. Маневич сорвал себе голос, выкрикивая на всех языках, которые знал, призывы к неповиновению:

«Никто в штольню не пойдет! Нас там хотят похоронить! Мы останемся здесь» Он сумел за считанные минуты предупредить примерно 11 тысяч согнанных на плац узников концлагеря о том, что фашистские палачи готовят провокацию. Сотни людей многоязычными выкриками поддержали Старостина. Эсэсовцы испугались вооруженных колодками заключенных и вынуждены были отступить. Комендант лагеря разрешил заключенным разойтись по своим баракам. Это был тот самый случай, когда все решает мгновение.

Спустя несколько дней, 6 мая 1945 г., лагерь был освобожден американскими войсками. Разведчик сумел спасти и спрятать списки заключенных концлагеря, среди которых были подпольщики и предатели. Он хотел передать их представителям советских войск, но не успел. Длительное пребывание в тюрьмах и лагерях окончательно подорвало здоровье разведчика. Он сгорел буквально за несколько дней. Латышский поэт Эйжен Веверис, бывший в заключении вместе с Маневичем-Старостиным, посвятил ему стихотворение, которое назвал «Самый сильный из нас». Вот отрывок из него: «А ныне, когда пал черный стяг мглы, когда повержены ворота ада, когда в Альпах цветут фиалки и лес пахнет смолой и счастьем, мы роем могилу самому сильному из нас. Он так долго нес по жизни бремя наших бед и судеб, что при одном прикосновении легкого луча свободы рухнул».

Маневич умер 12 мая 1945 г. на руках друга и соратника по подполью армянина Мамедова (Айрапетова) всего через 6 дней после освобождения, успев перед смертью оставить записку своим близким.

От родного дома Маневичей остался обугленный фундамент. В 1927 г., когда «Этьен» был далеко за границей, умер его отец, который вскоре после установления советской власти работал в Чаусах народным судьей. На фронтах и в гетто погибли многие его родственники и друзья.

Только в конце 1945 г. жена и дочь разведчика, эвакуированные во время войны в Ставрополь, узнали о судьбе Льва Ефимовича. Айрапетов выполнил последнее поручение «Этьена». Он побывал и у сестры Маневича Амалии Николаевны в Баку.

В 1945 г. Лев Маневич был похоронен под именем русского полковника Якова Старостина в г. Линце. Проведя в фашистских застенках восемь с половиной лет, он умер, так и не раскрыв своего настоящего имени.

Только двадцать лет спустя, в мае 1965 г., разведчику Льву Ефимовичу Маневичу за доблесть и мужество, проявленные при выполнении специальных заданий советского правительства перед Второй мировой войной и в годы борьбы с фашизмом, было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. В том же году он был перезахоронен под своей фамилией на кладбище Санкт-Мартин. (Герои Советского Союза — мо-

гилевчане. — Мн.: Польша, 1965. — С. 89 — 91; Горчаков О.А. Ян Берзин — командарм ГРУ. — СПб.: Нева, 2004; Воробьев Е. Земля, до востребования. — М., 1960; Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь. — М.: Воениздат, 1987; материалы Могилевского областного краеведческого музея; Залесский К.А. Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. — М.: Вече, 2000; Евреи — Герои Советского Союза / авт.-сост.: Шапиро Г.С., Авербух С.Л. — Киев, 1994).

И. Шендерович

НАУМ ИСААКОВИЧ ЭЙТИНГОН

Наум Исаакович Эйтингон родился 6 декабря 1899 г. в Могилеве. Его детство прошло в Шклове, где отец до своей смерти в 1912 г. работал на бумажной фабрике. Наум был старшим из четырех детей в семье. Подрабатывал частными уроками, увлекался литературой, учился в Могилевском коммерческом училище, которое, однако, не успел окончить из-за февральской революции. Весной 1917 г. паренек стал членом партии левых эсеров, но ее идеи Наума не увлекали. Работал в Могилевской городской управе, а с конца 1917 г. — в отделе местного Совета по начислению пенсий родственникам погибших на войне. Позже, в губернском продовольственном комитете, приходилось заниматься продрозверсткой и подавлением кулацких восстаний.

В сентябре 1919 г. Эйтингон переехал в Гомель, где вступил в РКП(б), защищал город от белогвардейцев, занимался проблемами кооперации и профсоюзной работой.

С мая 1920 г. началась чекистская деятельность Наума Эйтингона. Уполномоченный Особого отдела Гомельского укрепрайона, а позже уполномоченный по военным делам Гомельской ГубЧК, Эйтингон активно участвовал в борьбе с бандитизмом, ликвидации на Гомельщине террористических групп савинковской организации, действовавшей в Белоруссии с территории Польши. В октябре 1921 г. был тяжело ранен в бою с диверсантами, несколько месяцев провел в госпитале.

В 1922 г. Эйтингон с группой гомельских чекистов был направлен в Башкирию, где как член коллегии Башкирского ОГПУ руководил ликвидацией националистических группировок. В мае 1923 г. его отзывают в Москву и назначают уполномоченным, а через некоторое время — помощником начальника отделения Восточного отдела ОГПУ.

В 1925 г. за плечами нашего земляка уже был восточный факультет Военной академии Генштаба, а в кармане — удостоверение сотрудника Иностранного отдела ОГПУ. Эйтингона ждет первая работа за границей — он выезжает под прикрытием в долгосрочную командировку в Китай, где на

Наум Исаакович Эйтингон
(1899—1981).

Легендарный разведчик и террорист

практике узнает тонкости закордонной разведки. Подробности тех операций, как и многих последующих, до сих пор не рассекречены.

После налета китайской полиции на советское консульство в Харбине в 1919 г. Эйтингон отзывают в Москву и вскоре под дипломатическим прикрытием направляют в Турцию на замену резиденту советской разведки на Ближнем Востоке Якову Блюмкину (тому самому, который в 1918 г. по заданию левых эсеров убил германского посла графа Мирбаха). За два года Эйтингон сумел восстановить резидентуру в Греции и в 1931 г. был назначен начальником 8-го отделения ИНО. Затем два года — связанная с ежедневным риском работа нелегального резидента во Франции и Бельгии.

Около трех лет Эйтингон возглавлял 1-е отделение (нелегальная разведка) ИНО. Эта практически самостоятельная разведслужба занималась внедрением агентуры на объекты военно-стратегического назначения и подготовкой диверсионных операций в Западной Европе и Японии в случае войны.

Период 1933—1935 гг. является наименее известным в биографии Эйтингона. По некоторым данным, в эти годы ему довелось побывать в нескольких загранкомандировках, снова работать резидентом в Китае, действовать нелегально в США, Иране, Германии...

В 1936 г. лучшие кадры ИНО были направлены в Испанию, где началась гражданская война. В Испании Эйтингон (сначала — заместитель резидента, а затем и резидент) был известен как майор госбезопасности Леонид Александрович Котов.

В 1938 г. Эйтингон в Париже принял на связь легендарного Кима Филби, военного корреспондента лондонской газеты «Таймс».

После войны в Испании Сталин считал, что гитлеровский Абвер поддерживал прямые контакты с троцкистами, и Эйтингон по команде высшего руководства Советского Союза получил задание устранить Троцкого, который еще в 1929 г. был выслан из СССР и лишен гражданства. Эйтингон организовал операцию по убийству Троцкого в Мексике.

В конце 30-х — начале 40-х годов он создал базу для разведработы на территории США.

В 1941 г. Эйтингон стал заместителем начальника 1-го управления НКВД СССР, а через несколько дней после начала Великой Отечественной войны был назначен заместителем начальника Особой группы НКГБ СССР. С декабря 1942 г. он стал заместителем начальника 4-го управления НКВД-НКГБ СССР, возглавлял которое Павел Судоплатов. В годы войны 4-е управление являлось центральным звеном разведывательно-диверсионной работы против Германии, ее союзников, а также на оккупированных фашистами территориях в Европе и на Ближнем Востоке.

Эйтингон был одним из руководителей партизанского движения на оккупированной территории СССР, а также в Польше, Чехословакии, Болгарии, Румынии. Примечательно, что из всех советских разведчиков лишь двое были награждены орденом Суворова, который вручался военачальникам за полководческие заслуги. Этой чести удостоились Судоплатов и Эйтингон, получившие, кроме того, генеральские звания в июле 1945 г.

Еще в 1942 г. Эйтингон был направлен в Турцию для организации покушения на германского посла фон Паппена, которое не удалось осуществить.

С 1946 г. в течение пяти лет Наум Эйтингон был заместителем Судоплатова, возглавлявшим в МГБ службу ДР (диверсии и террор), которая фактически являлась спецназом.

В 1951 г. опытного разведчика арестовали по обвинению в «заговоре МГБ». После смерти Сталина Эйтингона освободили, а 21 августа 1953 г. арестовали вновь, уже по «делу Берии». Находясь во Владимирской тюрьме, Эйтингон направил письмо Хрущеву, в котором кратко описал свою жизнь, службу и годы, проведенные в заключении. Он отметил, что потерял силы и здоровье, а мог бы работать и приносить пользу стране, а также просил освободить осужденного на 15 лет Судоплатова. Еще в 1962 г. после создания в США диверсионных сил специального назначения, получивших название «зеленые берет», Эйтингон с Судоплатовым обратились из тюрьмы с предложением на имя Хрущева о том, как лучше противодействовать американскому спецназу и как подготовить аналогичные подразделения в СССР.

После освобождения в 1964 г. Эйтингон работал переводчиком и редактором в издательстве «Международные отношения». Умер в 1981 г. (Москалев В. Специальность: диверсии и террор // Могилевская правда. — 18.02.2000).

ЯКОВ ИСААКОВИЧ СЕРЕБРЯНСКИЙ (БЕРГМАН)

С Могилевом известного разведчика Серебрянского связывает лишь небольшой период жизни, но это было своеобразное боевое крещение, с которого началась его бурная жизнь. Он родился в 1891 г. в семье бедного минского еврея Ицки Бергмана. 16-летним учеником городского училища вступил в боевую группу еврейской самообороны и в Могилеве участвовал в ликвидации черносотенцев, организовавших погром в городе, и в активных действиях против могилевской полиции. Затем Яков стал членом партии эсеров, боевиком одного из отрядов ее наиболее радикального крыла — максималистов. Он участвовал во многих террористических атаках, которые они вели против царской администрации и членов реакционных группировок.

В конце 1912 г. Яков был призван на военную службу. В августе 1914 г. был тяжело ранен во время боев в Восточной Пруссии. По излечении — демобилизован. Он оставался в рядах эсеров и после февральской революции, стал членом Бакинского совета от этой партии, командовал отрядом охраны Бакинского Совета. Из Баку уехал в Москву, поступил в электротехнический институт (проучился там лишь несколько месяцев), работал в газете «Известия». В эти годы он несколько раз арестовывался ЧК как правый эсер.

В декабре 1923 г. Бергман был завербован в группу, направляющуюся для нелегальной работы в Палестину, известным террористом, сотрудником ВЧК Яковом Бломкиным. С этого момента Яков Серебрянский становится разведчиком — сотрудником Иностранного отдела ОГПУ (ИНО), занимавшегося шпионажем. Вскоре Бломкина отозвали в Москву, а резидентом стал Серебрянский, который создал в Палестине глубоко законспирированную сеть из 30 нелегалов, в числе которых было немало членов боевой еврейской организации «Хагань».

Разведчик-нелегал
Яков Исаакович Серебрянский
(Бергман)
(1891—1956)

В декабре 1925 г. Якова Исааковича перебросили в Бельгию, затем — в Париж, где он стал резидентом разведки и действовал до апреля 1929 г.

По возвращении в Москву Серебрянского назначили начальником отделения ИНО ОГПУ, в состав которого вошла созданная им же боевая нелегальная группа, получившая неофициальное название «группа Яши». Она предназначалась для глубокого внедрения на объекты военно-стратегического характера Америки, Европы и Азии на случай войны для проведения диверсионно-террористических операций в тылу врага. Группа была независимым оперативным подразделением, подчинявшимся лично начальнику ОГПУ. Нужно отметить, что в состав этой группы входили в основном евреи.

Созданная Серебрянским агентурная сеть охватывала США, Скандинавию, Прибалтику, Балканы, Францию, Германию, Китай, Японию, Палестину и другие страны.

В 1934 г., после создания НКВД, «Группа Яши» была подчинена лично наркомку внутренних дел и получила совсекретное наименование: СГОН — Специальная группа особого назначения.

Разгар репрессий застал Серебрянского в Испании, откуда он был отозван в Москву, отстранен от дел и 10 ноября взят под стражу. Почти три года в лубянских подвалах, «конвейерный метод» дознания и приговор к расстрелу. «Суд» проходил через две недели после начала войны, когда выяснилось, что разведывательно-диверсионная деятельность советской стороны оказалась почти полностью парализованной поголовными репрессиями.

5 июля для формирования разведывательно-диверсионных групп была создана Особая группа НКВД, начальником которой стал генерал Павел Судоплатов. Он и его заместитель Наум Эйтингон обратились к Берии с просьбой освободить из тюрем бывших разведчиков и в первую очередь — Якова Серебрянского. Так случайно «недобитый» Серебрянский оказался на свободе.

Пять боевых орденов — награды Якова Серебрянского за его успешную диверсионную деятельность в годы Великой Отечественной войны.

В 1946 г., когда министром госбезопасности стал Виктор Абакумов, вынуждавший Серебрянского несколько лет назад подписывать поклеп на самого себя, он ушел на пенсию «по состоянию здоровья». После смерти Сталина в мае 1953 г. Серебрянского вернули на службу, однако через четыре месяца по обвинению в участии в «заговоре Берии» полковник был арестован снова. Было опять реанимировано дело 1938 г. 30 марта 1956 г. на очередном из бесконечных допросов у Серебрянского не выдержало сердце: он скончался от сердечного приступа (по материалам: Штейнберг М. Трагедия великого диверсанта // Русский базар. — 14.11.2003; Лейбельман М. Четырежды узник Лубянки // Каскад. — США, Балтимор).

А. Литин